

"Сорок пять"

Мне сорок пять лет и желания изобретать теорию меня давно нету. Однако, считаю целесообразным разобраться в своём собственном прожитом композиторском опыте. На свою композиторскую исключительность я уже давно не претендую. Буду рад, если мой музыкальный путь, столь не прямой и тернистый, совпадёт с чьим-нибудь.

Для начала – биографическая справка. Я изучал композицию официально в течение семнадцати лет. В Ленинградской музшколе Юлетке у В.Я. Вольфензона, в Ленинградской консерватории у В.Н. Салманова и в Парижской консерватории у О. Мессиаана. Музыка я сочиняю уже тридцать лет и в моём каталоге более ста сочинений различных жанров. Имел возможность я также преподавать в течение ряда лет композицию и другие музыкальные дисциплины.

Моя сознательная музыкальная жизнь делится на два почти равных периода: Ленинградский и Французский. Каждый – по полтора десятилетия. Посему, наблюдения мои базируются на советской и западной музыкальных практиках, столь несхожих между собой на первый взгляд.

Самое главное: музыкант обязан быть посвящённым в тайны литературы и истории религий. Детали его исповедания – факт его личной биографии. Однако ни для кого не секрет – параллелизм мировых религий и литературных эстетик. Цель – одна и та же во все времена и на всех континентах: выработка приемлимой конвенции человеческого общежития. Цивилизации, как известно, основаны на взаимном согласии людей, а не на их разобщённости.

Цивилизации, как известно, не вечны. Они подчинены, как и каждая отдельная человеческая жизнь, законам цикличности. Одни умирают, другие рождаются. Однако, как и человек, рождаясь в новом материальном облике, они несут в своём генетическом коде полный исторический заряд прошлого. Правда, реализуется это прошлое каждый раз в ином контексте, подчиняясь бегу времени. Задача каждой эпохи – отобрать для себя, жизненно важное и отбросить безжалостно лишнее, исторический балласт. Это и есть, вероятно то, что называют "проблема традиции и новаторства".

Несмотря на очевидность этого механизма в истории, очень трудно понять находимся мы сегодня на спаде или на подъёме, в конце витка или в начале нового. "Кто грядет, никому непонятно", как справедливо сказал поэт.

Осознавая свою собственную беспомощность перед историческим "сегодня" обязаны мы быть предельно внимательны к прошлому своему, к традиции, и в то же время предельно свободными, раскрепощёнными к будущему. Задача нелёгкая.

Традиция дана нам в культуре. Никто не сомневается в её целесообразности.

Советский союз, как и Россия в прошлом, — "вечный Восток-Запад". Многие великие умы пытались зафиксировать её место в мире. Пришлось задуматься, определиться и мне. Мои собственные скромные наблюдения вполне совпадают со взглядами Н. Бердяева на этот счёт, выраженными гениально на мой дилетантский вкус, в книге "Русская идея". Для себя я оттуда вынес следующее: осознание своеобразия русской истории, её закономерности и целостности. Отсюда — приятие всех её этапов, порой столь противоречивых и чудовищных. Нам, отодвинутым по времени от Бердяева во времени, придётся теперь легитимировать и революционный террор и сюрреалистическую Сталинскую монархию. Вероятно, всё это — тоже неотъемлемая часть русского наследия.

Однако, спокойно переварить десятки миллионов жертв не дано не кому. Посему, период всенародной гласности на этот счёт и покаяния особенно важен. Продолжение русской/советской/истории возможно лишь на крови мучеников все последних десятилетий. И, самое главное, навеки избавиться от великодержавного русско-советского шовинизма.

Мы обладаем многовековыми традициями безжалостного подавления инакомыслия. Подлинная новая демократия возможна, вероятно, лишь из соединения внутренней и внешней эмиграций, при всей их кажущейся несовместимости. Этот новый сплав из противостояния подпольного должен выйти в противостояние легальное. На динамике этой конфронтации, как в лучших западных традициях, и будет настоена новая общественная жизнь.

Роль музыки в мировом культурном процессе трудно переоценить. Однако обожествление музыки для неё смертельно. Урок тому — развитие последних полутора веков. От загнеро-листовско-берлиозовского "священного пафоса", через через местечковую посредственность национальных школ — и до полнейшего нигилизма, циничной самодеструкции современности.

Причины музыкального декаданса последних веков исторически понятны. Но ростки живого в творчестве неистребимы. Мы — музыканты — обязаны их сохранить и передать последующим. То, что мы несём в себе с детства — прямая традиция — основа основ, каким бы бедным, заурядным нам это ни казалось впоследствии. Однако не скорректировать эту традицию интеллектом мы просто не имеем права. Иначе — потонем в бесконечном "музыкальном окияне". Скрупулёзный анализ необходим. Начинается он с азатяжного экскурса в историю мировой музыки.

"В начале были..." примитивы. Фольклор до профессиональных музыкальных систем. Африка, Полинезия, американские индейцы "всех широт", наши народы Севера. Материал огромный, собранный и, отчасти, изученный последнее время на Западе. Между Бартоковскими исследованиями и нами — пропасть. Музыкальный обиход за последние 50 лет изменился до неузнаваемости. С бумом радиотехники потребление музыки становится всё больше и больше фактом личным, на худой конец семейным. Коллективизм, как принцип музыкального производства и потребления исчерпывается. Залы превращаются в музеи. Любительское музицирование тоже ин-

